

DOI: 10.31857/S241377150014012-6

Международная Научная Конференция “Усадьба реальная – усадьба литературная”¹

An International Scholarly Conference “Real Estate – Literary Estate”

25–26 сентября 2020 г. в Москве, в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а), а также на территории Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова “Мелихово” (Московская обл., г.о. Чехов, с. Мелихово) работала Международная научная конференция “Усадьба реальная – усадьба литературная”, проходившая при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00129 “Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд” (рук. О.А. Богданова).

В конференции принял участие 41 докладчик из 10 городов и населенных пунктов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Пскова, Костромы, Оренбурга, Екатеринбурга, Красноярска, Гурзуфа, Чехова и др.) и 6 зарубежных стран (США, Японии, Польши, Италии, Испании, Беларуси). Помимо двух представительных пленарных заседаний: “Усадьба как мировой феномен: история, архитектура, литература, театр” (25 сентября в ИМЛИ РАН) и “В усадебной парадигме А.П. Чехова” (26 сентября в усадьбе Мелихово), 25 сентября научная работа конференции также распределялась по четырем секциям: “Усадебно-дачные сюжеты и образы в русской культуре XX–XXI вв.”, “Русская усадьба в поэзии и прозе конца XIX – начала XX в.”, “Усадьбы в пространствах Европы”, “Русская дача в реальности и словесности”.

Из-за сложной эпидемиологической ситуации в России и мире заседания конференции проходили в смешанном формате – очном, заочном и онлайн. Все иностранные и большинство иногородних докладчиков выступали и участвовали в дискуссиях удаленно, на платформах Skype и Zoom. Тем не менее, и

научное общение, и плодотворное обсуждение, и обмен идеями состоялись и были высоко оценены коллегами.

Основной задачей конференции стало сопоставление вариантов “усадебного топоса” в произведениях русской литературы и литературы других народов мира конца XIX – начала XXI в. с их реально-эмпирическими прототипами, которые, как правило, жили в памяти и воображении творцов художественных образов. На материале произведений Л.Н. Толстого, Н.Г. Гарина-Михайловского, А.П. Чехова, И.А. Бунина, Г.И. Чулкова, А.Н. Толстого, Е.Н. Чирикова, Б.К. Зайцева, В.В. Набокова, Н.Н. Евреинова, М.М. Пришвина, С.Н. Дурлыгина, Е.Р. Домбровской и других русских писателей выяснялись закономерности преобразования реальных элементов усадебного комплекса – дома с его разнообразным убранством, сада с цветниками, аллеями и беседками, водоема, ворот, храма – в детали предметной изобразительности и многослойную символику мира художественного произведения.

Хотя любому вдумчивому читателю очевидна связь картин ростовского Отрадного в “Войне и мире” Л.Н. Толстого с Ясной Поляной, имения Сорина из “Чайки” или Песочного из “Черного монаха” А.П. Чехова с Мелиховом, усадьбы Ольги Петровны из “Митиной любви” И.А. Бунина с Озёрками, совсем непросто выявить и исследовать структурные механизмы ее реализации. Процесс претворения жизненных впечатлений в художественные образы проясняется благодаря использованию определенных категориально-методологических подходов, обсуждению которых на конференции было уделено значительное время. Речь шла и об уже знакомых “усадебном хронотопе” и

¹ Обзор выполнен в ИМЛИ РАН за счет средств гранта РНФ № 18-18-00129 “Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд”.

“усадебном топосе”, и о новых категориях “неомифологический модус”, “гетеротопия усадьбы”, “усадебный габитус”, которые “обкатывались” при текстуальном анализе произведений символизма и соцреализма советского периода.

В докладах, посвященных диахроническому рассмотрению “усадебного текста” (о понятии “литературная усадьба”, о конститутивных чертах усадебного быта, о жизнетворческом потенциале усадьбы как поведенческом сценарии, о типологии усадебного комплекса и соотношении “усадьба – монастырь” и др.), актуальным инструментарием становились методы “нового историзма” и “культурного трансфера”, контекстуальный подход и семиотика культуры повседневности.

Серьезно представленный компаративный аспект позволил акцентировать в “усадебном топосе” универсальные черты, актуальные как для русской литературы, так и литератур Польши, Испании, США, Италии, Англии, Франции и проч. В частности, были исследованы античные истоки “усадебного топоса” путем сопоставления русской “усадебной” поэзии XX в. с древнеримской (Гораций) и испанской эпохи Ренессанса (фрай Луис де Леон). Обратили на себя внимание и жизнетворческие параллели между “усадебными” персонажами Н.В. Гоголя и загородным бытом французских авангардистов первой половины XX в. (Эльзы Триоле и Луи Арагона).

Крайние точки временного диапазона рассматриваемого на конференции “усадебного текста” – конец XIX и начало XXI в., или от позднего Л.Н. Толстого до современных поэтов А. Горбуновой и В. Бородина. Особое внимание было уделено изображению усадьбы у А.П. Чехова и чеховским традициям в “усадебном тексте” XX в. Ряд докладов был посвящен трансформациям образа усадьбы в литературе советского периода в творчестве А.В. Чаянова, Ф.В. Гладкова, М.М. Пришвина и др. – порой диаметрально противоположным и по материалу, и по коммуникативным стратегиям, и по авторской оценке. Также на конференции происходило пополнение корпуса “усадебного текста” русской литературы благодаря анализу содержания одного из ключевых журналов Серебряного века – “Русской мысли” – за 1900–1917 гг.

Впервые в литературоведении были представлены подходы к феномену усадьбы со стороны его экономической составляющей, т.е. с позиций литературно-экономической

антропологии, разработка которой начата на рубеже XX–XXI вв. на страницах журнала “Новое литературное обозрение” (в публикациях М. Гронаса, С.Л. Фокина, А.П. Ураковой и др.) и продолжена в 2018–2020 гг. в СПбГУ.

Научная работа конференции стартовала 25 сентября 2020 г. в ИМЛИ РАН. Д.ф.н. О.А. Богданова (Москва), руководитель проекта РНФ № 18-18-00129 “Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд”, в приветственном слове отметила актуальность конференции, призванной исследовать релевантность “усадебного текста” русской и мировой литературы константной усадебной реальности.

Первое пленарное заседание “Усадьба как мировой феномен: история, архитектура, литература, театр” открыл доклад доктора гуманитарных наук В.Г. Щукина (Краков, Польша) “Литературная усадьба: определение и попытка типологии”. Известный ученый выступил с дискуссионным представлением о литературной усадьбе, исключив из него усадьбы, изображенные в произведениях словесности. По мысли докладчика, литературной можно назвать “усадьбу, в жизни обитателей которой чтение художественной литературы и/или создание оригинальных произведений словесности занимало заметное место и составляло факт, известный в образованных кругах общества”. Далее В.Г. Щукин остановился на разновидностях литературных усадеб: с обширными библиотеками на разных языках; с литературной жизнью вне печати (домашние журналы, спектакли, литературные вечера); места обитания писателей; *литературные гнезда*, где собирались литераторы; *легендарные литературные гнезда*, породившие культурные мифы и ставшие популярными музеями.

В докладе «Русский усадебный быт: литературно-художественный и теоретико-литературный аспекты (роман “Николай Переслегин” в творчестве Ф. Степуна и Н. Анциферова» д.ф.н., зам. директора ИМЛИ РАН по научной работе Д.С. Московская (Москва) рассмотрела философию памяти в романе Ф.А. Степуна “Николай Переслегин” (1929). Изображенная Степуном барская усадьба Клементьево с 1880 г. являлась артиллерийским полигоном Московского военного округа. К моменту приезда Степуна там оставались церковь и прекрасный парк, в глубине которого стояло здание офицерского собрания. Все эти локусы упомянуты в романе. В 1930-е гг.

Н.П. Анциферов выписал из “Николая Переслегина” цитату о преображающей и творческой силе памяти. Вслед за Степуном он подчеркнул, что теперь усадьбу Клементьево можно найти лишь на “ментальной карте памяти”, объединяющей географическую карту с проложенными на ней символическими маршрутами.

Программа заседания была продолжена докладом к.ф.н. Л.Н. Летягина (Санкт-Петербург) «“Месяц в деревне”: литературный текст как поведенческий сценарий». По мнению докладчика, литературный текст и реальное бытовое поведение нередко выступают как коррелирующие ценностные модели, а художественный образ воплощается в системе жизненных сценариев, в частности — в типе усадебного поведения, вписанного в исторически определенную жанровую систему. Индивидуальный поступок как акт самореализации человека становился здесь выражением литературного опыта и формировал новую культурную реальность. Сказанное, по мысли Л.Н. Летягина, актуально для “усадбных” текстов Пушкина, Тургенева, Чехова, Бунина.

Доклад к.ф.н. О.Н. Купцовой (Москва) «“Красивый деспот” — усадебная пьеса Н.Н. Евреинова: литературный и театральный контекст» был посвящен проблемно-тематическим основам “усадбной” пьесы Н.Н. Евреинова “Красивый деспот” (опубл. в 1907 г.), в частности социальной проблеме рабства (помещик и крепостные) и его ретроспективной оценке. Более узкий срез пьесы — отношение к “усадбной культуре”: Евреинов из тех, кто идеализировал “бесполезную красоту” дворянских усадеб (пейзажи, архитектуру, интерьеры, предметный мир). Рассматривалось место “Красивого деспота” в ряду “усадбной” драматургии XIX — начала XX в., от Тургенева до Чехова.

В докладе д.ф.н. О.А. Богдановой (Москва) «“Усадебный текст” Георгия Чулкова: неомифология писательских имен в повести “Дом на песке” (1910–1911)» рассмотрена концептуализация литературных имен А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и других писателей как вариация “неомифологического модуса” усадьбы в прозе крупного писателя-символиста Серебряного века Г.И. Чулкова. Было показано, что оппозиция Пушкин — Лермонтов коррелирует с общей для “младшего” символизма мифопоэтической дихотомией дня и ночи, солнца и луны, Аполлона и Диониса, эпоса и трагедии и т.п. Также исследовано, как с помощью

лермонтовско-дионисийских коннотаций происходят дискредитация и разрушение “усадбного мифа”, который, в интерпретации Чулкова, восходил к аполлонической солнечности Золотого века, маркируемого именем Пушкина и его романом “Евгений Онегин” как вершинами русской “усадбной культуры”.

Доклад PhD в области филологии Уильяма Крафта Брумфилда (Новый Орлеан, США) “Усадебное пространство Уильяма Брумфилда” был посвящен деятельности известного американского фотографа и историка архитектуры по изучению и сохранению русского усадебного наследия. Активный член Американского общества любителей русской усадьбы во главе с Присциллой Рузвельт, он сделал многочисленные фотографии для ее известной книги “Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории” (1995). Докладчик рассказал и о своей книге “Lost Russia” (“Потерянная Россия”), вышедшей в США в 1995 г. В ней неслучайно соседствуют фотографии церквей и монастырей XV–XX вв. со снимками заброшенных усадеб — ведь храм является неотъемлемым элементом усадебного комплекса. Далее были рассмотрены духовно-культурные связи Спасо-Яковлевского монастыря и усадьбы Шереметевых в Ярославской обл.

Д.ф.н. Е.Е. Дмитриева (Москва) выступила с докладом “Старосветские помещики с мельницы Вильнев: Эльза Триоле и Луи Арагон”. В начале 1950-х гг. Арагон дарит своей жене Эльзе, которая не переставала испытывать ностальгию по России, участок земли “мельница Вильнев” в 50 км от Парижа. Супруги начинают осваивать пространство дома и сада, и новый усадебный опыт сказывается в их творчестве, определяя как тему памяти, противящейся забвению (роман Арагона “Бланш или забвение”), так и тему воскресшей памяти героя, переживающего в усадьбе чью-то чужую, казалось бы, навсегда угасшую жизнь (роман Арагона “Луна-парк”). Действие последнего романа Триоле “Соловей замолкает на заре” также происходит в загородном доме, свидетельствуя о конце усадебной эпохи, которая остается жить лишь в “цепкой памяти” автора.

Испанским ученым — д.ф.н. Хосе Луису Кальво Мартинесу (Гранада) и д.ф.н. Н.Н. Арсентьевой (Гранада) — в докладе «Философия уединения (тема *beatus ille*) в “усадбной” поэзии Европы: Гораций, фрай Луис де Леон, И.А. Бунин и др.» удалось проследить единство и устойчивость “усадбного топоса”

европейской литературы от Древнего Рима до России XX в. Традиционная для русской пейзажной лирики горадианская тема *Beatus ille* воплотилась в “усадебной” поэзии и прозе Ивана Бунина, в основе которых – мистико-философское переживание красоты человеческих чувств, рожденных уединением. Религиозное восприятие природы сближает Бунина с творчеством испанского поэта-мистика эпохи Возрождения фрей Луиса де Леона, сложившимся на основе переосмысления Песни Песней Соломона и рассуждений блаженного Августина о красоте в природе. Докладчики показали ренессансный генезис бунинской мистики уединения и стяжания Святого Духа при созерцании красоты сада.

Доклад директора музея-усадьбы Лопасня-Зачатьевское Г.Н. Тимошковой (г.о. Чехов Московской обл.) “Васильчиковы, Ланские, Пушкины, Гончаровы в Лопасне: история семьи на фоне истории России” был посвящен культурной истории уникального усадебного комплекса Лопасня-Зачатьевское, на территории которого в XVII – начале XX в. жили и трудились представители нескольких дворянских родов России. На семьях Васильчиковых, Ланских, Пушкиных и Гончаровых, связанных родством, в полной мере отразилась трехвековая история России во время правления пяти императоров. Обитатели усадьбы принимали непосредственное участие в Отечественной войне 1812 г., крестьянской реформе 1861 г., Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Первой мировой войне 1914–1918 гг. Особое место в истории усадьбы занимали потомки А.С. Пушкина.

Второе пленарное заседание “В усадебной парадигме А.П. Чехова” 26 сентября 2020 г. открылось докладом зам. директора по научной работе Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова “Мелихово”, к.ф.н. А.А. Журавлевой (г.о. Чехов, Московская обл.) «Трансформация “усадебного хронотопа” в творчестве А.П. Чехова». Докладчица обратилась к книге И.Н. Сухих “Проблемы поэтики А.П. Чехова” (1987), согласно которой “дворянская усадьба”, “провинциальный городок” и “купеческий дом” – наиболее привычные места действия в произведениях русской классики. Их общие черты позволяют говорить об “эпическом”, или “патриархальном”, или “деревенском” метакронотопе, характеризующемся замкнутостью и однородностью. Таков мир дворянской усадьбы у Чехова – “свой”,

патриархально целостный, психологически однородный, где “все знают всех, общаются со всеми” и взаимопонимание возможно даже между социальными полюсами.

В докладе д.ф.н. Ю.В. Доманского (Москва) «Усадьба vs сцена: К вопросу о художественном и сценическом пространстве “Вишневого сада”» были рассмотрены те аспекты драматургического пространства последней пьесы Чехова, которые связаны с усадебным локусом, и их реализация средствами драматургии; в частности – были приведены размышления над тем, почему один и тот же локус в паратексте назван и именем Раневской, и усадьбой Гаева; и в этой связи обращено внимание на то, что начальное авторское указание о месте действия отнюдь не тотально соответствует истине. Отдельно рассмотрены те случаи, когда в паратексте усадебное пространство эксплицируется как театральная сцена.

Dr. Prof. ass. Орнелла Дискаччати (Бергамо, Италия) в докладе “Особенности провинциального текста в литературных произведениях Чехова и Бунина” отметила, что в литературных мирах этих двух писателей усадьба отражает разные аспекты русской провинции. У Чехова провинциальный усадебный локус является миром прошлого (отсталости, пошлости, жадности, дикости). В то же время чеховская провинциальная усадьба амбивалентна, что вызывает у читателя сомнения и вопросы. У Бунина-эмигранта, с его детско-юношеским провинциальным опытом, усадьба стала местом души, символом России для всех русских людей в изгнании. Однако в дореволюционных повестях “Деревня” и “Суходол” очевидна критика русской провинциальной реальности.

В докладе д.ф.н. Т.М. Жапловой (Оренбург) “Предметная детализация как средство поэтизации усадебного быта в лирике И.А. Бунина 1890–1900-х гг.” рассматривались аксессуарные детали помещичьего быта в первых стихотворных сборниках Бунина, способствующие воссозданию образа русской усадьбы в ее поэтических и прозаических чертах. Анализировалась частотность обращений Бунина к сложным композиционным элементам поэтики – деталям-перечням, или перечням аксессуарных деталей, обнаруживающим реальную основу образа “дворянского гнезда” и специфику его трансформации в лирике рубежа XIX – начала XX в.

Магистр филологии Е.Е. Рачкова (Гурзуф, Крым) в докладе “Поэтика гурзуфского пространства в письмах О.Л. Книппер и М.П. Чеховой” исследовала особенности пространства гурзуфской дачи А.П. Чехова, получившие художественно-документальное воплощение в переписке О.Л. Книппер и М.П. Чеховой. На пересечении биографического и идиллического типов времени в письмах корреспондентов, посредством особой организации жизненного материала пространство и его доминанты (сад, дом, окружающая природа) переживаются участницами переписки как эстетические события, способные трансформировать и определять текущую реальность.

PhD М.О. Белинская (Рим, Италия) в докладе «“Впечатление угрюмой пустоты и холода”: о семантике пространства усадебного дома в произведениях А.П. Чехова» на материале художественной прозы писателя выявила специфику авторского изображения внутреннего пространства господского дома как одного из главных элементов “усадебного топоса”. Анализируются наиболее часто повторяющиеся образы и мотивы, связанные с чувственным восприятием усадебных интерьеров (визуальным, акустическим, ольфакторным), делается попытка интерпретации символического содержания отдельных деталей из чеховских рассказов с усадебной тематикой.

Последний пленарный доклад “Мотив чуждого внешнего мира за пределами усадьбы как фон темы распада семьи у А.П. Чехова и К. Мэнсфилд”, прочитанный к.ф.н. М.В. Черкашиной (Москва), обратил внимание участников конференции на сходство сюжетостроения коротких рассказов Кэтрин Мэнсфилд с прозой А.П. Чехова в процессе анализа мотивной структуры рассказов Мэнсфилд “Пикник” (1921) и Чехова “Новая дача” (1899), а также повести “Моя жизнь” (1896). В то же время “реализм”, или “натурализм”, Чехова принято противопоставлять тяготению Мэнсфилд к импрессионизму, символизму и поэтизации прозы, что указывает на различие их художественных приемов и специфику рецепции Чехова у Мэнсфилд.

Тематические секции конференции, в соответствии с ее главной научной интенцией, были ориентированы на изучение и осмысление эго-документов конца XIX – XX в. (мемуаров Б.Н. Чичерина, дневников потомков А.С. Пушкина, “берновских преданий” А.Н. Понафидиной, О.Н. Вульф и А.Н. Болт)

и автобиографического субстрата художественных произведений символистов начала XX в., В.В. Набокова, М.М. Пришвина и др. Пристальное внимание уделялось изучению смежного понятия “дачного топоса” (в текстах В.О. Михневича, Н.А. Лейкина, А.П. Чехова, С.Н. Дурылина, К.И. Чуковского, М.М. Пришвина и др.). Благодаря междисциплинарному характеру научного мероприятия на конференции встретились исследователи различных гуманитарных дисциплин: филологи, историки, педагоги, театроведы, музееведы, историки архитектуры – такой состав участников позволил подойти к сопоставлению разных сфер репрезентации единого феномена русской усадьбы с многообразным научным аппаратом, стимулирующим начатые в рамках проекта тезаурусные исследования в литературоведческом усадебоведении.

Секционные заседания конференции проходили 25 сентября в помещениях ИМЛИ РАН. Первое из них – “Усадебно-дачные сюжеты и образы в русской культуре XX–XXI вв.” – открыл доклад д.ф.н. А.Г. Разумовской (Псков) «“По случаю коммунистического строя сделался я помещиком”: усадьба Холмки и ее обитатели в 1921 г.», посвященный истории усадьбы князей Гагариных Холмки в Псковской губернии в послереволюционные годы, когда она стала колонией петроградских художников и литераторов. Докладчица в характерных подробностях воссоздала ее литературный и живописный образ, оставленный в русской культуре.

Доклад д.ф.н. Н.В. Ковтун (Красноярск) «Гетеротопия усадьбы в романе Ф. Гладкова “Цемент”» был посвящен малоисследованным вопросам функционирования “усадебного топоса” в литературе социалистического реализма. В ряду гетеротопий рассматривался и образ усадьбы в романе Ф. Гладкова “Цемент”, тексте, давшем основание производственной прозе. Доказывалось, что “другие места” реализуют желание автора утвердить новый миропорядок, который накладывается на топосы культуры, ставшие знаковыми в классической русской литературе, и опротестовывает их. В советской культуре 1920-х годов начинается вытеснение, инфернализация топосов дворянской усадьбы, дворика, крестьянского огорода под натиском “голубых городов”.

В докладе д.ф.н. М.В. Строганова (Тверь; Москва) “Дворянская усадьба в воспоминаниях ее питомцев XX века” на материале

воспоминаний А.Н. Понафидиной, О.Н. Вульф, А.Н. Болт и В.Д. Бубновой об усадьбе Вульфов Берново в Тверской губернии проводится анализ утраченных усадебных практик. Люди, воспитанные в русской дворянской усадьбе и вынужденные жить в условиях советской России, поневоле вспоминали старую усадьбу идиллически и меланхолично. В мемуарах господствовала идеализация прошлого за счет воспоминаний о тех “великих” лицах, которые бывали здесь и отблеск которых лежит на самих авторах мемуаров. В виде исключения некоторые мемуаристы делали акцент на природно-ландшафтных красотах усадебного мира. Важно понять, чем были обусловлены эти исключения.

В докладе “Альфа и омега: усадебный храм и усадебный некрополь в жизни и литературе” А.Б. Савинов (г.о. Чехов, Московская обл.) рассмотрел систему “идеального мира” русской дворянской усадьбы, в которой семейные храмы и родственные некрополи вокруг них занимали важное место как локусы венчания супругов, крещения младенцев, прощания с усопшими и становились духовно-мемориальными центрами усадебных комплексов. В годы разрушения дворянско-усадебной России именно многотомные “Некрополи” под ред. великого князя Николая Михайловича стали ценным источником информации по ее истории. Однако их необходимо сопоставлять с натурными наблюдениями.

Доктор культурологии А.В. Святославский (Москва) в совместном докладе со студенткой МПГУ А.А. Чернявской “От Хрущево до Дунино. Усадьба как фактор творческого вдохновения Михаила Пришвина” показал, как через творчество Пришвина проходит ностальгия по детским годам в елецкой родительской усадьбе Хрущево, утраченной в годы революции, когда писатель был изгнан оттуда крестьянами. В преклонном возрасте Пришвин приобретает напомнимую ему Хрущево усадьбу Дунино под Звенигородом, которая становится для него источником творческого вдохновения в последние 8 лет жизни.

В докладе к.ф.н. Е.Ю. Кнорре (Москва) «Китеж советского времени: “усадебный миф” в дневниках М.М. Пришвина 1937–1954 гг.» была рассмотрена семантическая структура “усадебного мифа” в дневниках Пришвина. В 1937 г., под влиянием идеи Небесного града Китежа в культуре Серебряного века, здесь появляется образ небесной коммуны;

“усадебный миф” вбирает в себя аллюзии на идею “всеединства” Вл. Соловьева и сюжет пути к утраченному дому – усадьбе Хрущево. Усадьба-дача Дунино становится точкой “собрания времени”, соотносительности микрокосма и макрокосма, частного бытия человека и его “родственной связи” с миром живых существ.

В докладе д.ф.н. Н.В. Пращерук (Екатеринбург) «Усадьба Н.Е. Жуковского Орехово: “кормящий ландшафт” и музейная реальность (на материале книги Е.Р. Домбровской “Воздыхания окованных. Русская сага”)» речь шла об образе усадьбы в книге правнучки гениального ученого, “отца русской авиации”. Орехово долгое время оставалось родовым гнездом известной в России семьи. Его образ выстраивается с опорой на “усадебный текст” русской литературы, на концепцию “кормящих ландшафтов” Л.Н. Гумилева, а также на идеи П.А. Флоренского о духовных основаниях судеб рода. Усадьба, преображенная памятью автора, дается в соотношении с ныне действующим музеем.

В докладе «“Вот классицизм усадьбы на холме...”: “усадебный текст” в молодой русской поэзии начала XXI в.» д.ф.н. А.В. Марков (Москва) рассказал о том, что современные русские поэты новых поколений воспринимают усадьбу не только через опыт русской классики и устные предания, но и визуально – через кинематограф, графический роман, интеллектуальные игры и квесты, путешествия. Для А. Горбуновой и В. Бородина “усадебность” то аналитична, то мистична. И для обеих она прежде всего туристический объект, способ перейти от повседневных впечатлений к сложным лирическим размышлениям о судьбах культуры и исторической изменчивости эмоций.

Вторая секция “Русская усадьба в поэзии и прозе конца XIX – начала XX в.” открылась докладом д.ф.н. В.Г. Андреевой (Кострома; Москва) «Помещики и землевладельцы в романе Л.Н. Толстого “Анна Каренина”». Многозначность “усадебного топоса” в романе помогает автору организовать систему образов, и главных, и второстепенных, раскрыть взгляд на пореформенную Россию и ее развитие. Близкий писателю образ рачительного хозяина-помещика проверяется на жизнеспособность в одной из ключевых антитез – между помещиками (настоящими хозяевами-тружениками) и землевладельцами (относящимися

к земле как товару и источнику прибыли). Сопоставлены два варианта русских усадеб — Покровское Левина и Воздвиженское Вронского, по-разному приводящих своих хозяев к осознанию глубинных законов жизни.

Аспирант Л.К. Ражина (Москва) в докладе «Усадебное хозяйство в произведениях Н.Г. Гарина-Михайловского и Л.Н. Толстого 1890-х гг.» представила малоизвестную в литературе грань усадебной жизни — практику ведения усадебного хозяйства — в романе Л.Н. Толстого «Воскресение» и очерке Н.Г. Гарин-Михайловского «Несколько лет в деревне». По мысли докладчицы, многие произведения «усадебной» прозы конца XIX в. отражают социально-экономические реалии и личный усадебно-хозяйственный опыт писателей, позволивший им создать образ русского крестьянства и описать его быт.

Доклад д.ф.н. Е.А. Андрущенко (Москва) «Формы поэтизации «усадебной культуры» в «Воспоминаниях» Б.Н. Чичерина» привлек внимание слушателей к давней публикации журнала «Русский архив» (1890), фрагменту воспоминаний основателя и теоретика русского либерализма Б.Н. Чичерина (1828–1904). Мемуарный очерк о Н.И. Кривцове вместо предисловия к готовившемуся к печати дневнику этого офицера стал поэтическим прославлением русской «усадебной культуры». В докладе осмыслены формы такой поэтизации: описание героически-подвижнического и высокодуховного опыта предшествующих поколений, его противопоставление унылой и бесплодной современности, изображение усадебного быта в его проекции на бытийное, историко-литературные наблюдения.

В докладе к.ф.н. А.С. Акимовой (Москва) «Поэтика усадьбы в малоизвестных рассказах А.Н. Толстого 1910-х гг.» рассмотрены малоизученные рассказы А.Н. Толстого из «Сочинений» в 10 т. (1912–1918), в новые собрания сочинений автором уже не включенные. Сделан вывод о том, что усадьба в них не просто место действия, но композиционно-семантический центр, определяющий расстановку действующих лиц, художественные приемы и интертекстуальные связи. При создании образа усадьбы писатель опирался на собственные воспоминания и дневниковые записи, а также на традицию изображения усадьбы в русской классике.

Д.ф.н., ученый секретарь ИМЛИ РАН Ю.В. Шевчук (Москва) в докладе «Сады в «Трилистниках» И.Ф. Анненского (к вопросу

о «вещественном» и символическом значении образа)» представила слушателям оригинальный антропологический анализ усадебных садов в лирике И.Ф. Анненского. По мысли докладчицы, вещи в его поэзии связаны с нематериальными категориями бытия и сферой сознания. В «Трилистниках» субъект то занимает амбивалентную позицию притяжения и отталкивания по отношению к пространству сада, то опирается на библейскую мифологию или переживание обреченности внешнего мира, то страдает от иллюзорности существования или, напротив, от его омертвевшей вещественности. Сад в старой усадьбе обретает фантастические черты, а также символизирует отчуждение человека от природы своей «внезаходимостью» по отношению к личному «я», живущему «во сне <...> между звездами». Освоение садового пространства проясняет индивидуальную символику поэта и организацию смыслового единства «Трилистников».

В докладе к.ф.н. Е.В. Глуховой (Москва) «Усадьба Серебряного века в мифопоэтике русского символизма (Шахматово, Дедово, Серебряный Колодезь)» обсуждались вопросы мифологизации усадебных нарративов в творчестве «младших» символистов А. Блока, А. Белого, С. Соловьева. Философско-эстетические основы их поэзии обусловлены переживанием и осмыслением «усадебного топоса» в указанных имениях. Детали их дружеских взаимоотношений уточнены обращением к мемуарному наследию и неопубликованным эго-документам. Письма Соловьева к Белому и Блоку доказывают, что «эзотерический жаргон» символистского братства восходит к дедовскому опыту — важному истоку мифопоэтики русского символизма.

Магистр Н.И. Пегова (Москва) в выступлении «Усадебная беллетристика на страницах журнала «Русская мысль» 1900–1917 гг.» представила результаты впервые проведенного тотального тематического просмотра номеров уникального литературно-политического ежемесячника «Русская мысль».

В докладе к.ф.н. Н.В. Михаленко (Москва) «Утопические усадебные проекты в творчестве А.В. Чаянова: реальное и литературное» были освещены утопические проекты рубежа XIX–XX вв., связанные с усадьбами Архангельское и Петровско-Разумовское и отраженные в текстах Чаянова, прежде всего в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Чаянов считал, что

образованной молодежь может стать, лишь приобщившись к культурному наследию, собранному в русских дворянских усадьбах.

В третьей секции “Усадьбы в пространствах Европы” (в том числе в творчестве русских эмигрантов) выступили шесть докладчиков. Д.полит.н. (LL.D., Ph.D.) В.Э. Молодяков (Токио, Япония) представил доклад “Отчий дом и наследственный рай: усадьба Le chemin de Paradis в жизни и творчестве Шарля Морраса”. Родительская усадьба “Райская дорога” в провансальском городке Мартиг заняла особое место в судьбе французского писателя и публициста Шарля Морраса (1868–1952) как символ родовой памяти семьи и культурной преемственности от эллинистических колоний античности до современной Франции, став воплощением личного рая и квинтэссенцией духа и традиций родного Прованса. Выступление было иллюстрировано редкими материалами из собрания докладчика – изображениями дома, фотографиями Морраса на его фоне, книгами и автографами писателя.

Работа секции продолжилась докладом к.ф.н. Г.А. Велигорского (Москва) “Усадьба как место заточения в детской литературе Англии и России рубежа XIX–XX вв.”. Будучи идеальным местом игр и миром, где “гуляет воображение”, усадьба в детской литературе может являть и “темную” сторону, оказываясь замком Синей Бороды или Кошечевым царством. Ребенок, наказанный за провинность отправкой в усадьбу к родственникам, ощущает ее как тюрьму, а себя – узником (“Полуночный садик Тома” Ш. Пирс, “Золотая пора” К. Грэма). Возникает и мотив “побега из усадьбы”, реализуемый как инвариант детской игры (“Памятная мельница” Р.Л. Стивенсона) или же оборачивающийся для героя серьезными последствиями (“Ветер в ивах” К. Грэма). Уход из усадьбы нередко обозначает конец детства и становится элементом романа воспитания.

По мысли аспиранта О.А. Гриневиц (Гродно, Беларусь) в докладе “Соотношение факта и вымысла в усадебной поэзии и прозе В.В. Набокова”, семантическим ядром “усадебного текста” В.В. Набокова является автобиографический миф об утраченном рае детства. В “усадебном хронотопе” романа “Дар” размыты пространственно-временные, нарративные и межсемиотические границы. Контекстом для художественной постперцепции становится документальная проза “Другие

берега” как метакомментарий об автобиографических деталях романа, а также об имениях Выра, Батово, Рождествено. В поэтической же практике по деконтекстуализации усадьбы (устранению биографических, исторических, культурных контекстов функционирования топоса) Набоков наследует А.А. Фету.

В докладе к.ф.н. М.В. Скороходова (Москва) “Литературная усадьба в творческом наследии Б.К. Зайцева периода эмиграции” рассмотрена автобиографическая тетралогия Зайцева “Путешествие Глеба” (1937–1952), где усадьба становится пространством действия. Даются и ментальные черты “усадебной культуры”: романтические мечтания героев, чтение Тургенева, Чехова и др., музицирование, пение, гостеприимство и т.п., – многие из которых воспроизводятся дворянами даже при отсутствии собственной усадьбы. Внимание Зайцева к традициям “усадебной культуры” в произведениях русской классики также проявилось в книгах “Жизнь Тургенева” (1932) и “Чехов” (1954).

Д.ф.н. М.В. Михайлова (Москва) в совместном докладе с к.ф.н. А.В. Назаровой (Москва) «“Мятежные усадьбы” Е.Н. Чирикова» остановилась на усадьбах в творчестве Чирикова разных лет. В отличие от литературной традиции, в пьесах “Мужики” (1905) и “Дом Кочергиных” (1910), повести “Мятежники” (1906), романах “Жизнь Тарханова” (1911–1925) и “Отчий дом” (1929–1931) усадьба становится ареной борьбы между дворянской интеллигенцией и народными массами. По Чирикову, все проекты по улучшению жизни крестьян терпят неудачу из-за нерешенности вопроса о земле: интеллигенция не отдает ее даром, а использует как приманку. Бунт ослепленных посулами мужиков жестоко подавляется, что усиливает народную ненависть к “господам”. В эмиграции Чириков пришел к выводу о том, что именно игра на народных чаяниях привела к революции 1917 г., погубившей все “дворянские гнезда”.

Последняя, четвертая, секция конференции – “Русская дача в реальности и словесности” – открылась докладом д.ф.н. Л.Ф. Луцевич (Варшава, Польша) «Дачно-усадебный топос “русской Финляндии”: “Пенаты” Ильи Репина». Было верифицировано понятие “русская Финляндия” как не только географическое, но и культурно-историческое пространство. На основе мемуаров, дневников, писем, отразивших быт и духовно-культурное бытие

интеллигенции конца XIX — начала XX в., были рассмотрены репинские “Пенаты” как аксиологически значимый компонент дачно-усадебного топоса “русской Финляндии”. Отмечена общность оценки мемуаристов: “Пенаты” — место отдыха друзей художника и русский интеллектуальный центр.

В основе концепции доклада PhD Эмилио Мари (Витербо, Италия) “Заметки о петербургском дачном фольклоре и материальной культуре конца XIX — начала XX века” лежит тезис Д.С. Лихачева о том, что русская “культура дачного общества <...> носила разговорный характер”. Докладчик стремился очертить тот тип устного творчества, который был порожден дореволюционными дачами, сыгравшими немаловажную роль в трансформации фольклора в массовую культуру, в стирании границ между “элитарным” и “народным”, во встрече разных социокультурных миров (дачников и местных жителей).

Д.ф.н. Е.Н. Строганова (Тверь; Москва) представила доклад “Дачные сюжеты в женской прозе рубежа XIX–XX вв.”. Речь шла об особенностях изображения дачи в произведениях О.А. Шапир, М.В. Крестовской, Л.А. Чарской и др. писательниц конца XIX — начала XX в. Распространенным мотивом оказывался дачный роман, который, по предварительным наблюдениям, развивался в двух вариантах — либо курортном, либо усадебном.

В завершающем секцию докладе к.ф.н. М.С. Акимовой (Москва) “Усадьба реальная и усадьба литературная в жизни и творчестве С.Н. Дурылина” были отмечены (вслед за Г.Ю. Карпенко и др.) теоантропность и иерархичность его воспоминаний “В родном углу” (1930–1942). Образ московской городской усадьбы из детства Дурылина восходит к евангельской притче о строительстве дома на камне или песке. Память о ней в 1936 г. воплотилась в физическую реальность дома в подмосковном Болшеве, построенного из остатков разрушенного Страстного монастыря. “Духовная сокровищница” (А.П. Галкин), “большевское Абрамцево” (Н.Д. Телешов), дом Дурылина стал центром большой семьи, связанной узами духовного родства; он выполнял жилую, музейную и храмовую функции одновременно.

Научная программа конференции “Усадьба реальная — усадьба литературная” завершила свою работу 26 сентября 2020 г. В ходе ее работы был рассмотрен ряд проблемно-тематических

направлений, в первую очередь продолжены формирование тезауруса “усадебных” исследований и верификация основных категорий; обсуждены семиотические трансформации усадебного сверткста русской литературы в постусадебный период (во второй и последней трети XX в.) и выявлены последствия перенесения топоса усадьбы в поле памяти и воображения — а именно уподобление пространственной организации усадьбы ментальным процессам и социокультурная де-контекстуализация образа усадьбы; особое внимание было уделено проблеме диахронического трансфера “усадебных” поведенческих стратегий в ситуациях утраты контекста их возникновения; были рассмотрены варианты репрезентаций “усадебного мифа” в русской литературе 1910–1920-х гг. и в контексте житнетворчества русской эмиграции первой волны; установлено определяющее значение родовой усадьбы в культурной преемственности от эллинистических колоний античности до современности в творчестве крупных представителей литературы Франции; продолжено рассмотрение феномена русской дачи в отечественной литературе и культуре, начат дифференцированный анализ элементов “дачного топоса” и наполняющих его дискурсов.

В рамках конференции была проведена культурная программа, непосредственно связанная с ее проблематикой. 26 сентября на территории Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова “Мелихово” были организованы две экскурсии: по усадьбе Чехова Мелихово и по усадьбе Васильчиковых-Гончаровых Лопasnya-Зачатьевское. Благодаря квалифицированным консультациям сотрудников музея-заповедника А.А. Журавлевой, Г.Н. Тимошковой, А.Б. Савинова, С.А. Стенчиковой и Л.Н. Гросул участники конференции получили представление о контексте создания ряда известных “усадебных” текстов русской литературы, в частности “Крыжовника”, “Черного монаха”, “Дяди Вани” и “Чайки” А.П. Чехова, “Дубровского” и “Евгения Онегина” А.С. Пушкина.

25 сентября в рамках конференции были с успехом представлены три книги, вышедшие в 2019–2020 гг. в составе новой научной книжной серии “Русская усадьба в мировом контексте”, издающейся по плану проекта РНФ:

1. Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика,

- мифология: Монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 1).
2. Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм: Коллективная монография / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 352 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 2).
3. Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина+: Коллективная монография / Сост. и отв. ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 344 с. (Серия “Русская усадьба в мировом контексте”. Вып. 3).

Богданова О.А.

*Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А.М. Горького РАН
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д.25а
olgabogda@yandex.ru*

*Дата поступления материала в редакцию 23 октября 2020 г.
Дата публикации: 28 февраля 2021 г.*

Bogdanova O.A.

*Doct. Sci. (Philol.),
Leading researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
25a Povarskaya St., Moscow, 121069, Russia
olgabogda@yandex.ru*

*Received by Editor on October 23, 2020
Date of publication February 28, 2021*

Для цитирования: Богданова О.А. Международная научная конференция “Усадьба реальная – усадьба литературная” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1. С. 108–117. DOI: 10.31857/S241377150014012-6.

For citation: Bogdanova, O.A. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya “Usadba realnaya – usadba literaturnaya”* [An International Scholarly Conference “Real Estate – Literary Estate”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 1, pp. 108–117. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150014012-6.